

Таня любила цветы, Терещенко их рвал. Таня была милой скромной девочкой, Терещенко слыл хулиганом и в зеркало заглядывал раз в неделю. Таня очень хотела, чтобы какой-нибудь волшебник взял однажды Терещенко и унес на необитаемый остров — видеть она его больше не могла. И волшебство произошло, правда, не совсем такое, о каком мечтала Таня.

глава 1

Где водятся волшебники

Эти события произошли в самом обыкновенном классе самой обыкновенной школы однажды в декабре.

Кому-то может показаться, что в этой истории многовато волшебства. Ну, какой, скажите на ми-

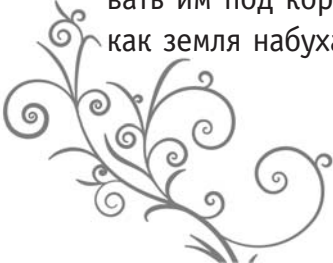
лость, Щелкунчик в двадцать первом веке? Откуда здесь взяты полчищам крыс?

Но не стоит забегать вперед. У каждого рассказа есть свое начало и, что вполне естественно, свой конец. А то, что он будет неожиданным не только для читателей, но и для главных героев, — в этом нет ничего странного. Кому нужна история, неспособная удивлять?

В этом году в школе на подоконниках буйно росли всевозможные азалии, антуриумы, ардизии и ахименесы. За окнами была зима, ветер подбрасывал вверх охапки снега, кружил его, швырял на крыши, иногда попадал в лица прохожих. Каждый день, чуть раньше остальных, в школу приходила Таня. Она поливала и опрыскивала все эти молочай, фикусы, бальзамины.

Она любила цветы.

Могла часами рыхлить землю у суховатых декабристов, туголистных фиалок, хрупких фуксий, пахучих гиацинтов, неприхотливых гераней, темнолистных цикламенов. Понемногу из лейки вливать им под корни воду, а потом долго смотреть, как земля набухает и оседает, впитывая влагу.

День исполнения желаний

Таня с трудом переносила как шум перемен, так и тягучую тишину уроков. Если бы все было по ее желанию, она бы провела жизнь в оранжерее и, возможно, со временем сама стала цветком. Вот было бы счастье!

Наверное, в прошлой жизни Таня была цветком, росла себе, не зная забот. Но сейчас она человек, и приходилось с этим как-то мириться.

Дома цветы держать ей не разрешали — у мамы была аллергия на пыльцу, и все Танины завещания, что никакая пыльца от комнатных растений не полетит, не действовали. К тому же у мамы было слабое сердце, ей нельзя волноваться, и Таня, чтобы лишний раз не спорить с ней, перенесла все свое богатство на школьные подоконники.

Бесконечный учебный день она не проживала, а переживала. Переживала крики и насмешки, переживала непрекращающиеся задания и примеры, прыжки через «козла» на физкультуре и «ледовые побоища» в столовой за завтраком.

Все самое главное для нее начиналось после занятий.

Вместе с жизнерадостным звонком с уроков

она выходила в коридор, пробиралась сквозь бушующий ураган рвущихся на свободу учеников и оказывалась около кабинета биологии.

— Таня? — знакомо спрашивала учительница по ботанике Нина Антоновна, на секунду отрываясь от журнала. — Проходи. Только кактус не поливай! Зимой у него период покоя!

Таня послушно кивала. Не глядя, совала портфель на первую парту и осторожно, чтобы не потревожить учительницу, шла к подоконникам.

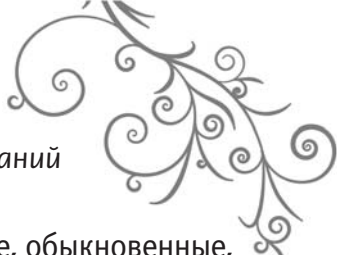
Иногда Тане казалось, что цветы ее узнают. Что они начинают склоняться, как только она входит в класс, а декабрист даже поворачивает к ней цветочные головки. В ответ она тоже кивала цветам и неизменно здоровалась с каждым по имени.

— Здравствуй, фуксия! Здравствуй, герань!

— Здравствуй, здравствуй! — шелестели цветы.

Таня взяла палочку и начала осторожно рыхлить землю, чуть-чуть приподнимая листики.

На самом дальнем подоконнике — три горшка с узамбарской фиалкой: фиалка с сиреневыми цветочками, обыкновенными; с большими розовыми; с белыми мохнатыми цветками. Какие ей

День исполнения желаний

нравятся больше всего? Наверное, обыкновенные, с пятью лепестками и желтым приветливым глазком.

Тане всегда было легче общаться с простыми растениями. Она не очень любила слишком наглые хризантемы, всегда щедрые на цветы декабристы. Ей приятней было находиться рядом с геранью, с приветливо протягивающей свои дырявые листики-ладошки монстерой восхитительной.

Монстера росла в большой кадке в углу класса. Поливала ее Таня всегда последней. От прикосновения ладошки-листки у монстеры чуть подрагивали, словно приветствовали девочку. Каждый раз, когда Таня подходила к большой кадке, ей казалось, что за большим с прорезями листом она увидит какое-нибудь чудо. Среди толстых стволов заведется маленький народец. На гнутом стебле, как на лиане, будет качаться минипут¹, который сообщит, что в Таню влюбился принц, но чтобы встретиться с ним, ей придется совершить множество подвигов. Еще ей хотелось увидеть там ка-

---

¹Герой, придуманный Люком Бессонном.

кую-нибудь зверушку. На самый крайний случай она бы согласилась на дождевого червяка.

Но уже на последнем шаге она понимала, что никого не встретит. По крайней мере сегодня. Тогда ей становилось немного грустно. Конечно, с растениями было хорошо, но что же это она все одна и одна, хоть бы заваливающаяся фея прилетела, хоть бы какой самый последний волшебник заглянул.

Работа отвлекала ее от печальных мыслей.

Особенно от мыслей о Терещенко.

Терещенко был глуп. Глупее всех людей, каких только можно представить.

Терещенко был некрасив. И даже утверждение некоторых девчонок, что парню достаточно быть чуть красивее обезьяны, здесь не проходило. Коротко стриженный, с торчащими ушами, с большим ртом и тяжелым подбородком, Терещенко сложно было даже сравнить с обезьяной. Скорее всего, его далекими предками были инопланетяне, до того он был весь какой-то неправильный, словно собранный из частей от разных людей. В классе его никто не любил. А Таня не любила

его в особенности, потому что Терещенко своими длинными граблями задевал стоящие на подоконниках цветы, а когда выдавалась свободная минута, отщипывал у них листочки.

И чаще всего доставалось именно сиреневой фиалке.

Куда бы Терещенко ни пересаживали, он почему-то неизменно оказывался в ряду около окна, а как доходило до урока биологии, неподалеку от него невероятным образом появлялся горшок с фиалкой. Его руки, готовые протянуться к чему угодно, тут же придвигали к себе цветок, а грязные пальцы с обкусанными ногтями и заусенцами начинали терзать первую жертву — зеленый толстомясый листок.

Тане с ее места не всегда было видно, что он там делает, но каким-то внутренним чутьем она понимала, что творится расправа над фиалкой. Тогда ей хотелось немедленно вскочить и опустить свой тяжелый портфель на плоский затылок с оттопыренными ушами, но она поднимала глаза на сосредоточенное лицо учительницы, которая долго и печально пыталась им что-то объяснить, и

тут же успокаивалась. Ничего сделать нельзя. Ни встать, ни ударить, ни даже потребовать, чтобы он оставил цветок в покое.

И тогда Таня начинала думать, что Терещенко кто-то заколдовал, так было легче объяснить, почему он именно такой. Может быть, однажды, идя со своей мамой по рынку, Терещенко встретил злую волшебницу, попросившую помочь донести тяжелые сумки до ее замка? Или, сидя дома, слишком внимательно всматривался в холодное, занесенное снегом окно и не заметил, как ему в глаза посмотрела Снежная королева, после чего стал уродцем с оттопыренными ушами? Или, не разобравшись, сел во дворе играть в карты со злым волшебником, и тот в уплату долга забрал у него сердце, и Терещенко стал таким некрасивым и равнодушным? Нет, все было гораздо проще! Он разгрыз орех Кракатук и с двенадцатым ударом часов превратился в Щелкунчика, в самую настоящую куклу с деревянными ногами и руками, и где-то уже бродят полчища злобных крыс, мечтающих утащить его в свою норку и разорвать там на тысячу кусочков.

От фантазий Тане становилось легче, и она не так болезненно реагировала на «раны», нанесенные фиалкам бестолковым заколдованным Терещенко.

— Таня! — всегда не вовремя звала Нина Антоновна и начинала складывать тетрадки. На столе появлялась большая сумка, заглатывающая в свое жадное нутро столько всего, что, казалось, ее невозможно будет потом поднять. Но Нина Антоновна смело бралась за ручку и легкой походкой шла к двери.

Таня вытирала подоконник, вешала на батарею влажную тряпку, прятала за шкаф лейку и выходила в уже темный коридор. За спиной щелкал выключатель, хлопала дверь, поворачивался в замке ключ. Три магических действия отрезали Таню от мира цветов, и она оказывалась в сумраке действительности.

Куда же подевались все те принцы и волшебники, что когда-то бродили по горам и лесам? Почему раньше они встречались на каждом углу, а сейчас их и среди тысячи человек не увидишь? И самое главное — почему цветы не умеют говорить? Было бы так здорово поболтать с ними...

— Терещенко этот тупой какой-то... — заявила на очередной перемене Сонька Веревкина, прозванная за свой неумный характер Сонька «Энерджайзер», и бухнулась на стул рядом с Таней.

Сидела Веревкина не здесь, а через проход около стены, и в среднем ряду ей вроде делать было нечего, но она приземлилась именно сюда и стала с грустью изучать рукав своего пиджака, где вместо положенных двух пуговиц осталась одна, и та болталась на тонкой ниточке. Вторая была выдрана, что называется, с мясом.

— Я ему говорю: «Отойди, дорогу загораживаешь!» — возмущенно выкрикивала Сонька «Энерджайзер», вертя оставшуюся пуговицу туда-сюда. — А он смотрит на меня как глухой. И зубы скалит. Я ему говорю: «Чего застыл? Чеши отсюда». А он — ноль внимания, фунт презрения. Может, его нам подменили?

— Непонятно, что в таком случае забрали, — пропыхтела «Данон», то есть Дарья Ходыкина, пытаясь маникюрными ножницами с одним обломанным лезвием отрезать задравшийся заусенец.

Она была полной и неспешной, вероятно, поэтому все у нее получалось правильно — в отличие от резкой Сони Даша успевала подумать, что делает и зачем. — Если нам дали этого, то кому и зачем понадобился тот, кого забрали? Кажется, предыдущий был еще тупее. — И она посмотрела на свои растопыренные пальцы — перед этим она минут пять подпиливала ногти, придавая им модную форму.

— Нет, он точно глухой! — Сонька «Энерджайзер» оторвала болтавшуюся на ниточке пуговицу и изучила оставшуюся дырку — лохматилась она знатно. — Я говорю: «Сдвинься! Люди пройти не могут». А он — хватать меня за пиджак. Чуть не задушил! Вот, пуговицу оторвал.

И она показала одноклассницам помятый рукав.

— А мне кажется, его заколдовали, — вздохнула Таня и посмотрела в окно, где вихрились веселые снежинки — декабрь в этом году выдался снежным. Мело без остановки, словно неутомимые снежные тролли задались целью засыпать их город по верхушки самых высоких башен. Снега напало столько, что качели у них во дворе, на

которые раньше приходилось забираться, встав на цыпочки, скребли по наметанному сугробу и каждое утро норовили спрятаться в нем, чтобы до весны уже больше не показываться. Исчезли под снегом лавочки и низенькие заборчики, маленькие кустики в школьном саду еле угадывались.

И чем больше падало снега, тем сильнее Таня любила своих питомцев на подоконниках. Ей казалось, что зимой они особенно беззащитны.

— Ты чего — дура? — Соня явно нехотя оторвалась от изучения причиненного ей Терещенко ущерба. — Мы что, в Средневековье, чтобы нас тут заколдовывали?

На уроках истории они проходили эпоху Средневековья, и учитель, высокий крупный Иван Борисович, с непонятным для всех азартом рассказывал, как убивали друг друга короли, как насылали порчи на соседей, как боролись с бесчисленными ведьмами.

— Почему в Средневековье могли заколдовывать, а сейчас нет? — дернула плечом Таня, не отрываясь от окна.

— И в Средневековье не могли, и сейчас не могут, — пропыхтела Дашка «Данон», полируя ногти до блеска. — Какие волшебники в двадцать первом веке?

— А откуда тогда взялись Гарри Поттер и Мефодий Буслаев? — не сдавалась Таня. — Я слышала, что в Хогвардсе можно учиться.

— Больная, что ли? — От удивления Соня на время забыла о своем расстройстве. — Это все сказки! Их люди придумали.

— Иван Борисович говорил, что ничего люди не придумывают, рассказывают только то, что было. — Таня смотрела на собеседниц и читала в их глазах одно недоверие. — Ну, что драконы из динозавров получились. Люди о них помнили и свои воспоминания передавали в сказках. Только со временем динозавр изменился, стал с тремя головами и с огнем из пасти. Вы где были-то? Он это всем говорил.

— Ну, ты сравнила, — снова принялась за свое дело — обработку ногтей — Ходыкина. — Ты прямо как маленькая. Еще скажи, что в Деда Мороза веришь и родители тебе его на 31 декабря заказывают.

— А как же мечты?

При этом вопросе Таня состроила такое выражение на лице, словно уже заранее была готова услышать, что дважды два — пять.

— Мечты иногда сбываются, — заговорщицким тоном сообщила она.

— Ну, сбываются, — хмыкнула Сонька «Энерджайзер», видимо, решив, что лучше уж она согласится, чем всю перемену они проспорят ни о чем.

Таня заулыбалась, расправила плечи и победно оглянулась. Ей даже показалось, что у них над головами зазвенели бубенчики, в воздухе взвихрились блестящие пылинки со стрекозиных крыльев крошечных фей.

— А иногда и не сбываются, — бухнула Дашка «Данон», и зарождающееся колдовство исчезло. — Моя мама говорит, — добавила она, пряча пилочку в футляр, — что главное волшебство в жизни — это любовь. Ты вообще когда-нибудь любила?

От неожиданного вопроса Таня поперхнулась и закашлялась. Как раз в это время в класс вошел Терещенко, уныло протопал между рядов, прополз

вдоль парты и упал на стул. При этом все цветы на подоконниках вздрогнули.

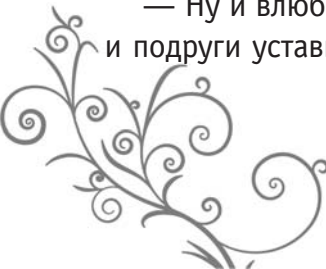
Таня перебрала в голове всех, к кому можно было бы применить слово «любить».

Маму с папой, это понятно. Двоюродный брат Пашка? Хотя он уже взрослый и невероятно высокий. А когда пришел из армии, так его вообще узнать было нельзя — таким он стал здоровенным. Мишка в саду? Помнится, они даже «свадьбу» играли, стащили с окон занавески, укутали в них Таню, всучили Мишке букет одуванчиков и ходили вокруг беседки. Ох, и влетело им тогда. От тяжелой руки воспитательницы у Тани синяк на плече остался. А Мишка все на нее свалил, сказал, что это она придумала. Нет, это не любовь.

— Не любила, — качнула головой Таня и поджала губы, тем самым выражая сожаление от происходящего.

— Эх, мелюзга, — хихикнула Сонька «Энерджайзер». — Я уже сто раз влюблялась и даже целовалась неоднократно. Для меня влюбиться — раз плюнуть.

— Ну и влюбись, — фыркнула Дашка «Данон», и подруги уставились на Веревкину.

— Легко! — бросила Соня, как будто ей предложили на спор выпить три стакана компота. — В кого?

— В Терещенко и влюбись, — предложила Ходыкина, при этом на лице у нее не было ни злорадства, ни ехидства. Она была спокойна, видимо, ожидая, что Веревкина тут же откажется. Но Соня лишь губы поджала.

— Легко! — снова произнесла она. — Только время нужно. Спорю на что угодно, что в ближайшее время он мне подарит цветы.

— Я это вижу, — закатила глаза Даша. — Между ними вспыхивает пожар любви, и Терещенко из Щелкунчика превращается в принца.

— Почему из Щелкунчика? — удивленно вздернула брови Таня. Она сама не раз думала, что Терещенко очень похож на Щелкунчика, и ей сейчас было немножко обидно, что не она первая так его назвала. А еще — что именно Сонька пообещала влюбиться. Все-таки Терещенко в чем-то был ее личным противником. И если уж кому и надо было в него влюбляться, так это ей. Но при одной мысли о вредном однокласснике Тане станови-

лось нехорошо, и она решила, что пусть уж он достанется Веревкиной, раз она так этого хочет. Невелика добыча.

— Ты посмотри на него, вылитый Щелкунчик! — вздохнула Ходыкина и снова провела пилочкой по ногтю.

Девчонки дружно посмотрели на Терещенко, уже пристроившегося ощипывать листочки у вьюна — тот имел смелость пустить веточки к партам учеников.

Первой фыркнула Сонька «Энерджайзер», следом засмеялась Дашка «Данон». За ними печально улыбнулась Таня.

Услышав смех, Терещенко нахмурился, рванул самый большой листочек и глянул на возмутительней спокойствия.

— Девчонки — дуры, — мрачно изрек он, чем вызвал у веселящихся одноклассниц новый приступ хохота.

— Сам ты!.. — сорвалась с места Таня, добежала до окна и схватила с подоконника цветок. — Пусти!

Застывший от изумления Терещенко так и си-

дел, вцепившись в кончик вьюна, отчего получилось, что они с Таней тянули несчастное растение каждый в свою сторону. Класс повскакивал с мест, наблюдая эту странную дуэль. От возмущения Таня не знала, что сказать, а Терещенко просто не понимал, что происходит.

— Ему же больно! — Таня не выдержала, в два шага преодолела разделяющее их расстояние и сильно толкнула одноклассника в плечо.

Терещенко взмахнул руками, растопырил пальцы, выпуская растение, и рухнул на стоящие за ним парты. Весь ряд с грохотом подвинулся, загремели, опрокидываясь, стулья. Кто-то вопил, отпрыгивая в сторону, кто-то, наоборот, рвался вперед, чтобы посмотреть. Началась куча-мала. Среди всеобщего беспорядка невозмутимым айсбергом возвышалась Таня с прижатым к груди отвоеванным вьюном.

Терещенко попробовал подняться, но завалившие его стулья сцепились друг с другом и так просто сбросить себя не давали. Так он и грохал ими какое-то время, пока не выполз на свободу.

— Дура! — выдохнул он, отбрасывая последний стул.

— Сам дурак! — вздернула вверх подбородок Таня.

— Ты его либо угробишь, либо расколдуешь, — прошептала у Тани за плечом Дашка Ходыкина. И тут зазвенел звонок.

глава 2

Верное средство расколдовать Щелкунчика

— Ну, и какие у нас есть средства облагородить нашего Щелкунчика?

Сонька «Энерджайзер» крутила перед собой оторванную пуговицу. Веселый кругляшок то вертелся на одном месте, то откатывался к горшку с вьюном, с которым Таня пока решила не расставаться, то норовил свалиться в сумку к Дашке «Данон» — Ходыкина накарсила ногти и теперь сидела, растопырив пальцы, ожидая, когда лак высохнет, поэтому не могла закрыть ее.

— Вы это серьезно? — распахнула глаза Дашка. Ходыкина уже три раза подправляла смазав-

шую красоту своих ногтей, поэтому сейчас предпочитала не шевелиться.

Шла перемена перед последним уроком, народ в основном топтался в кабинете, шум стоял сильный, поэтому на трех заговорщиц никто не обращал внимание. А тот, кого этот разговор непосредственно касался, сидел в конце класса, подалее от окна и цветов, и на скуле его набухал свеженький синяк.

— А если поможет? — Сонька так часто оглядывалась на Терещенко, что тот уже начал ерзать на стуле — подобное пристальное внимание ему было непривычно.

— Должно помочь! Другого выхода нет. — Таня придвинула к себе цветочный горшок, показывая этим, что ради своих ненаглядных цветочков она готова на все. — А что будем делать?

— Ну, что вы можете сделать? — дернула плечом Даша «Данон». — Взять его на перевоспитание? — И она повернулась к Веревкиной. Таня тоже вслед за ней посмотрела на Соню.

— Что вы на меня уставились? — вспылила «Энерджайзер». — Решайте, кто пойдет его целовать.

— Чего? — хором переспросили подруги.

— А вы как думали? — развела руками Сонька «Энерджайзер». — Золотой рыбки у нас нет. За щукой к проруби мы не пойдем. Остается — целовать, чтобы он из лягушки превратился в принца.

— Ты собиралась влюбляться, вот и тренируйся, — жестко произнесла Таня, уж очень ей хотелось как-нибудь поддеть подругу.

— Мало ли что я сказала! — легкомысленно махнула рукой Веревкина. — Может, я передумала? Меринова, тебе нужно, ты и целуй.

На Таниных щеках вспыхнул яркий румянец. Во-первых, по фамилии назвали, а она ее жуть как не любила. Во-вторых, послали целоваться с мальчиком. А она, стыдно сказать, последний раз это делала в детском саду все с тем же Мишкой.

— На него ничего не подействует, — вяло стала отпихиваться она от ответственного задания.

— Тогда ты иди, целуй! — весело посмотрела Сонька на Ходыкину.

У Даши от неожиданности дернулась рука, и на парте появился свежий след ярко-красного лака.

— Танька, давай, — мотнула она головой в

сторону Тани. — Ты начала все это, тебе и целовать.

— Я начала? — обняла вьюн Таня. — Давайте я его лучше горшком стукну. Вдруг поможет?

Веревкина посмотрела на подруг негодующим взглядом, но одноклассницы только стыдливо потупились, давая понять, что ни с кем целоваться не будут.

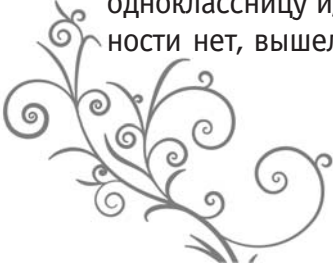
— Так, — тяжело поднялась со своего места Сонька «Энерджайзер». — Учитесь, пока я жива. И не говорите потом, что я вам этого не показывала.

Она подлетела к своей парте, перешагнула через стул и стала тянуть к себе портфель. Зацепившись за ножку стола, портфель держался крепко. Веревкина дергала его и дергала, пока не опрокинулся стул, а парта не подпрыгнула.

Услышав знакомый звук падающей мебели, Терещенко втянул голову в плечи и зажмурился.

— Ну, и чего ты сидишь? — гаркнула у него над ухом Сонька «Энерджайзер». — Помоги достать.

Терещенко приоткрыл один глаз, покосился на одноклассницу и, с облегчением отметив, что опасности нет, вышел в проход.

— Дура, — хрипло выдавил он из себя. — Откуда тянешь?

Терещенко обошел парту, освободил застрявший портфель и ногой подпихнул его к стене, где цепляться было не за что. Он еще толком не успел выпрямиться, когда Веревкина резко приблизилась к нему, беззвучно чмокнула в щеку, прошептала: «Спасибо!» — и с победным видом шагнула к открывшим рот приятельницам.

От поцелуя Терещенко дернулся, словно к нему поднесли оголенный провод, вставленный в розетку, и схватился за щеку. Веревкиной уже давно и след простыл, а он все стоял, с удивлением глядя перед собой.

Народ продолжал бурлить и клокотать, не замечая, что в классе проходит очень важный эксперимент — превращение Терещенко в... Превращение Терещенко... Превращение...

Терещенко какое-то время постоял, чуть покачиваясь и ощупывая место поцелуя, а потом вдруг побрел вон из класса.

— И все? — ахнула Дашка «Данон». — А где же?... — Она повертела перед своим носом паль-

цами, подбирая слова — они не договорились, в кого конкретно должен был превратиться Терещенко после столь смелого поступка Веревкиной.

Таня стояла растерянная. Она ожидала увидеть как минимум картинку из мультфильма, где после смерти мышиного короля с Щелкунчика свалилась деревянная оболочка, а под ней оказывался маленький худенький принц. Никакой оболочки с Терещенко не свалилось. Даже фейерверка не было, непрямого атрибута всех превращений в кино.

— Не подействовало, — хрипло отозвалась Сонька, с остервенением вытирая губы платком. — Чем там Щелкунчика-то лечили? Орехом?

Досовещаться подруги не успели, потому что прозвенел звонок, и они разошлись по своим местам.

Таня осталась наедине со своими мыслями о том, что на Терещенко, судя по всему, было наложено очень сильное проклятье. Ей так и представлялось, что как только Соня поцелует Терещенко, он сразу же превратится в высокого блондина с голубыми глазами, волевым подбородком,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ГДЕ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ	5
Глава 2. ВЕРНОЕ СРЕДСТВО РАСКОЛДОВАТЬ ЩЕЛКУНЧИКА	23
Глава 3. ВОЛШЕБНЫЙ ОРЕХ КРАКАТУК	36
Глава 4. ПОДАРОК ДЛЯ ИМЕНИННИКА	54
Глава 5. АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК ОТ ПРИНЦА НА БЕЛОМ КОНЕ	67
Глава 6. ПЛЮЩ ЯДОВИТЫЙ, МЕЛКОТРАВЧАТЫЙ	87
Глава 7. ТИК-ТАК, ТУК-ТУК	103
Глава 8. СЛЕДЫ НА СНЕГУ	122
Глава 9. ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ КАКТУСОВОДА	135
Эпилог	148